



Посвящается 妈妈 и 爸爸, которые научили  
меня смотреть на мир открыто,  
с добротой и энтузиазмом





Тюрьма явственно напоминала подземелья из детства Анастасии: мрачная и сырая, она была сооружена из несокрушимых глыб, покрытых налетом грязи и страданий. Здесь тоже пролилось много крови: Анастасия чувствовала, как она сочится из выбоин в каменных ступенях, расплзается по покрытым копотью стенам и таится на задворках ее сознания, подобно вездесущей тени.

Стоило лишь захотеть, щелчок пальцев — и вся эта кровь подчинилась бы ей.

От этой мысли Ана крепче сжала одетыми в перчатки руками потрепанный мех капюшона и сконцентрировала свое внимание на ничего не подозревавшем охраннике, шедшем в нескольких шагах впереди. Его сапоги из бычьей кожи издавали ритмичный тонкий скрип. И если внимательно прислушаться, можно было разобрать тихий звон *златников* в его карманах. Она дала ему взятку.

В этот раз она не ощущала себя заключенной: она была клиентом, и сладкое дребезжание монет неустанно напоминало о том, что охранник — на данный момент — был на ее стороне.

И тем не менее на стенах дрожал свет факела, и было невозможно видеть в этом месте что-то иное, а не воплощение ее ночных кошмаров, и не слышать перешептывания голосов.

Монстр. Убийца.

Когда-то папа рассказывал ей, что это место кишит демонами, что в нем находятся в заключении самые опасные злодеи. И даже теперь, спустя почти год после его смерти, у Аны пересохло во рту, когда она попыталась представить, что он сказал бы, увидев ее здесь.

Ана отогнала эти мысли и устремила взгляд вперед. Может, она монстр и убийца, но это никак не относилось к делу, ради которого она сюда пришла.

Она пришла, чтобы очистить свое имя от обвинений в государственной измене. Все зависело от того, удастся ли ей найти нужного заключенного.

— Я вам говорю, ничего вы от него не добьетесь, — грубый голос охранника вырвал ее из омута шепчущих голосов. — Слышал, что у него было задание убить какое-то высокопоставленное лицо, когда его повязали.

Он говорил о заключенном. Ее заключенном. Ана выпрямилась и выдала заранее отрепетированную ложь.

— Он расскажет мне, где он спрятал мои деньги.

Охранник бросил сочувствующий взгляд через плечо.

— Лучше бы вам проводить время где светло и солнечно, сударыня. Уж с дюжину, а то и больше благородных господ заплатили кому нужно, чтобы попасть в Гоуст Фолз<sup>1</sup> и увидеть его. И никому он ничего не

---

<sup>1</sup> Гоуст Фолз — тюрьма у водопада.

выдал до сей поры. Нажил же себе могущественных врагов этот Острослов.

Конец фразы было сложно разобрать из-за затяжного мучительного вопля. В крике было столько страдания, что у Аны зашевелились волосы на затылке. Рука охранника взлетела на рукоять меча. Свет факела подсвечивал половину его лица — вторая оставалась в тени.

— Скоро камеры начнут ломиться от этих аффинитов.

Ана чуть не споткнулась: она резко втянула воздух и, заставляя себя сохранять спокойствие, медленно выдохнула. Ей нельзя было отставать от охранника.

Должно быть, на ее лице отразился страх, потому что ее спутник быстро проговорил:

— Не беспокойтесь, сударыня. Мы вооружены до зубов *божевосхом*, а *аффиниты* заперты в особых камерах из *черного камня*. Мы к ним и близко не будем подходить. Все эти деимховы надежно упрятаны под замок.

*Деимхов. Демон.*

У Аны засосало под ложечкой, она натянула капюшон еще ниже на лицо и сильно сжала кулаки. Об аффинитах обычно говорили, понизив голос и сначала боязливо оглянувшись по сторонам, только затем следовали истории о горстке людей, обладающих силой родства с определенными элементами. Монстрах, способных творить удивительные вещи с помощью своего дара. Вызывать огонь. Метать молнии. Оседлать ветер. Видоизменять плоть. Если верить слухам, были даже те, чьи способности выходили за пределы физического мира.

Силы, которыми не должен обладать ни один смертный. Силы, которые могли принадлежать либо богам, либо демонам.

Охранник улыбался ей. Возможно, он пытался проявить дружелюбие. А может, гадал, что такая девушка, как она, в мехах и замшевых перчатках — потертых, но явно дорогих, — делает в этой тюрьме.

Он бы не улыбался, если бы знал, что она собой представляет.

Кто она на самом деле.

Окружающий мир внезапно приобрел четкие очертания, и впервые с того момента, как она ступила на территорию тюрьмы, Ана присмотрелась к охраннику. Кирилийская императорская символика — голова рычащего белого тигра — была выгравирована на усиленном черным камнем нагруднике. Меч у бедра, наточенный так, что его острие со свистом рассекало разреженный воздух, был сделан из того же материала, что и доспехи, — сплава металла с черным камнем, непроницаемого для магии аффинитов. Наконец ее взгляд опустился на пузырек с зеленоватой жидкостью, закрепленный под пряжкой его поясного ремня. Изогнутая форма пузырька придавала ему сходство со змеиным клыком.

Божевосх, или божья вода, — единственный известный яд, который может подавлять способности аффинитов.

И вновь Ана вернулась в мир своих кошмаров. Подземелья, высеченные в холодном, темнее, чем ночь, черном камне. Бело-костяная улыбка ее опекуна, когда он вливает ей в горло пряный божевосх, чтобы изгнать демона, который с ней с самого рождения. Чудовище, даже по меркам аффинитов.

Монстр.

Под замшей перчаток ее ладони стали мокрыми от пота.

— У нас большой выбор трудовых договоров на продажу, сударыня, — голос охранника звучал будто бы издалека. — За эту сумму, что вы заплатили, чтобы увидеть Острослова, вы бы лучше наняли одного-двух аффинитов. Не тревожьтесь, они никаких серьезных преступлений не совершали. Просто иноземцы без документов. Дешевая рабочая сила.

Ее сердце замерло. Она слышала о подобных незаконных схемах. Аффинитов из других государств заманивали в Кирилию ложными обещаниями предоставить работу. Но приехав, они могли рассчитывать лишь на милость контрабандистов. До нее даже доходили слухи, что тюремные охранники и солдаты из разных уголков империи помогали торговцам аффинитами набивать карманы, пока златники лились рекой к ним в руки.

Но Ана никогда не думала, что встретит одного из них.

Она попыталась ответить спокойным голосом:

— Нет, спасибо.

Нужно было как можно скорее выбираться из этой тюрьмы.

Огромных усилий ей стоило продолжать двигаться дальше, переставляя ноги, держать спину прямо, а голову высоко поднятой, как ее учили. Всегда, когда ее окутывал туман страха, она старалась думать о брате — Лука бы не струсил, для нее он бы сделал то же самое.

А она должна была постараться ради него. Подземелья, охранник, голоса и потревоженные ими воспо-



минания — она все вынесет. И переживет еще сто раз, если это поможет ей снова увидеться с Лукой.

Когда Ана думала о нем, у нее болело сердце. Ее горе было бездонной черной ямой, но нельзя было в нее падать. Не сейчас, когда она была так близка к тому, чтобы найти единственного человека, способного помочь ей вернуть честное имя.

— Рамсон Остролов! — рявкнул охранник, оставившаяся у камеры. — К тебе пришли.

Зазвенели ключи, дверь неохотно и со скрипом открылась. Охранник повернулся к ней, подняв факел, и Ана заметила, что его взгляд вновь скользнул по ее капюшону.

— Он внутри. Я буду здесь — крикните, когда будете готовы выйти.

Собрав всю свою смелость, Ана резко вдохнула, расправила плечи и сделала шаг внутрь камеры.

Ее встретил едкий запах рвоты, к которому прилавивалась вонь человеческих экскрементов и пота. В дальнем углу, привалившись к засаленной стене, сидел человек. Его рваные рубаха и штаны были запачканы кровью, на его запястьях виднелись ссадины от кандалов, приковывавших его к стене. Лица Ана не могла разглядеть — она видела только спутанные темные волосы. Но затем он поднял голову, и она поняла, что часть его лица скрывала грязная борода, в которой виднелись остатки пищи.

И это гений преступного мира, чье имя она выпытывала у дюжины воришек и жуликов? Человек, на которого она возлагала все свои надежды последние одиннадцать месяцев?

Однако, почувствовав на себе внимательный взгляд, Ана застыла. Он был молод — намного моложе, чем,

по ее представлению, следовало быть знаменитому на всю империю преступному лорду. От удивления у нее сжался живот.

— Острослов, — сказала она осторожно, проверяя, не подведет ли ее голос, а затем добавила громче: — Рамсон Острослов. Это твоё настоящее имя?

Уголок рта заключенного пополз вверх, изображая ухмылку.

— Смотри что ты понимаешь под настоящим. В местах, подобных этому, настоящее и вымышленное часто меняются местами.

Говорил он плавно, но в его голосе звучали резкие нотки, характерные для речи кирилийской знати.

— Как тебя зовут, дорогая?

Вопрос застал Ану врасплох. Уже год она ни с кем не обменивалась любезностями, если не считать Мэй. Анастасия Михайлова, — хотелось ей ответить. Меня зовут Анастасия Михайлова.

Хотя так ее никто не звал. Анастасия Михайлова была принцессой, наследницей престола Кирилийской империи, утонувшей одиннадцать месяцев назад в попытке избежать казни за убийство и измену Кирилийской короне. Анастасия Михайлова была призраком, монстром, который не имел права на существование.

Ана сильнее сжала края своего капюшона.

— Мои имя тебя не касается. Как быстро ты можешь найти человека в пределах империи?

Заключенный рассмеялся.

— Сколько ты можешь мне заплатить?

— Отвечай на вопрос.

Он наклонил голову набок, на губах играла насмешливая улыбка.

— Зависит от того, кого ты ищешь. Возможно, несколько недель. У меня целая сеть коварных шпионов и законченных прощелыг, которым я поручу найти следы нужного тебе человека. — Он замолчал и сложил руки, звеня цепями. — Гипотетически, конечно же. Даже у меня не безграничные возможности, пока я сижу за решеткой.

Во время разговора у Аны складывалось ощущение, что она ходит по натянутому канату, одно неправильно сказанное слово — и она сорвется. Лука учил ее основам ведения переговоров: воспоминание об этом подобно свече озарило тьму камеры.

— У меня нет нескольких недель, — сказала Ана. — И мне не нужно от тебя никаких иных действий. Только имя и место.

— С тобой непросто договориться, моя милая.

Острослов оскалил зубы, а Ана прищурилась. По его свободной манере речи и веселому огоньку в глазах было понятно, что он находит ее отчаянье забавным, хотя не представляет, кто она и зачем пришла.

— Но, к счастью, я сговорчивый. Давай договоримся, дорогая. Освободи меня, и можешь распоряжаться мной как хочешь. Я найду твоего прекрасного принца или твоего злейшего врага за две недели, будь он на краю пустыни Арамаби или в небе Кемейранской империи.

Манерная медлительность его речи чуть не вывела Ану из себя. Она догадывалась, как действовали подобные коварные преступники. Дашь им то, что они просят, и они тут же воткнут тебе нож в спину — не успеешь и глазом моргнуть.

Она не попадет в эту ловушку.

Ана запустила руку в складки своего потрепанного плаща и извлекла оттуда кусок пергамента. Это была копия одного из рисунков, которые она сделала сразу после смерти папы. В тот период кошмары заставляли ее просыпаться посреди ночи, а образ этого лица, преследуя, не покидал ни на секунду.

Быстрым движением она развернула пергамент.

Даже в льющемся из коридора тусклом свете факела Ана могла разобрать черты человека на портрете: лысая голова и меланхоличные, преувеличенно большие глаза, придававшие владельцу сходство с ребенком.

— Я ищу мужчину. Кирилийского алхимика. Он когда-то был врачом во дворце в Сальскове. — Она помедлила, но решила рискнуть. — Назови мне его имя и где его найти, и я освобожу тебя.

Внимание Острослова было приковано к рисунку с того момента, как она его развернула. Он смотрел, как голодный волк на добычу. На мгновение его лицо застыло и стало непроницаемым. А потом его глаза широко распахнулись.

— Он, — прошептал Острослов. И это слово зажгло огонек надежды в ее сердце, теплый, как лучи восходящего солнца после долгой-долгой ночи.

Наконец-то.

Наконец-то.

Одиннадцать лун она пряталась, в одиночестве проводила темные ночи в холодных северных лесах Кирилии, а днями обыскивала город за городом и в конце концов нашла человека, который знал убийцу ее отца.

Рамсон Острослов — это имя шептали бармены, завсегдатаи пивнушек и охотники за головами, когда